

УДК 130.2

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СУБКУЛЬТУРНЫХ ФОРМАХ РЕЛИГИОЗНОСТИ

О.Н. Римская

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78;
e-mail: Sass@bsu.edu.ru

В статье рассматривается современная молодежная культура с точки зрения развития самосознания человека в субкультурных формах религиозности.

Ключевые слова: модерн, молодежная культура и мифология, молодежная субкультурная религиозность, самосознание.

Молодежная мифология, культура и контркультура в своих развитых формах рождались в трагических социальных, политических и духовных процессах первой половины XX века и. Это были процессы полагания и самополагания молодежной культуры и мифологии «в себе» и «в другом», в «серьезной», «материнской» культуре модерна и тоталитаризма. С конца 50-х и особенно в 60-е годы прошлого столетия молодежная культура и контркультура обретает собственное ментально-идеологическое оформление «в себе и для себя».

В это же время на Западе, да и в нашей стране, начинается серьезное теоретическое изучение молодежи. Интересно, что исследования молодежи и ее культурных форм самореализации появляются именно в 60-е годы и по времени совпадают с формированием теории массовой культуры, что говорит об адекватности теоретического осознания процессов, генезис которых начался в конце XIX века и получил завершение к концу XX столетия. В рамках этих теорий поначалу массовая поп-культура отождествляется с молодежной субкультурой, так как именно в это время рождаются ее наиболее агрессивные контркультурные формы, полные постмодернистской эклектики и деконструктивизма (рок-музыка, нонконформистское искусство, сексуальная революция, радикальные революционные и террористические движения, экологический и пацифистский протест, битломания и хиппи, наркотические и психоделические техники экстаза, «нетрадиционная религиозность» и т.д.).

Однако теоретические исследования молодежной культуры и сознания носили и носят слишком эмоциональный и морализаторский характер. Очень трудно порой отрешиться ученому-профессионалу от психологии серьезного «взрослого» и посмотреть на изучаемые процессы изнутри, глазами молодых, погруженных в экзистенциальную магму жизни в недрах молодежной культуры и контркультуры.

Молодежная культура, на наш взгляд, представляет сложноорганизованную, динамичную систему субкультурных формообразований и контркультурных процессов, связанных с трансформацией индустриальной (модернистской) цивилизации XVIII-XIX вв. в ее постиндустриальные и постмодернистские ипостаси прошлого столетия. «Постиндустриальная цивилизация оказывается похожей на доиндустриальную, – отмечает А. Генис. – Самые яркие ее черты: децентрализация, деурбанизация, демассофикация – одновременно свойственны и самым передовым, и самым отсталым странам. Это дает шанс «третьему миру» догнать остальных, минуя хотя бы часть индустриальных кошмаров»[1]. Все это служит культурно-историческим и цивилизационным базисом не только для оживления самых архаичных форм мифологического и религиозного сознания, но и их трансформаций в некие «современные» синкретичные и превращенные духовные и культурно-идеологические

формы. Современная мифология, в том числе и молодежная, оказывается «естественным языком» самой повседневности человека. Можно говорить о новом культурном цикле, когда человечество демонстрирует потребность в экзистенциальной актуализации мифологического сознания мышления.

На почве мифологии массовой культуры – стихийно, естественно рождающейся или искусственно создаваемой в обществе потребления – и формируется специфическая молодежная мифология, которая служит, в свою очередь, питательным бульоном для произрастания различного рода духовных мутантов, каковыми являются, в частности, так называемые «нетрадиционные религии».

Религиоведы, культурологи, социологи, философы ведут спор о том, насколько правомерно употребление понятий «нетрадиционные» или «новые религии». Тем более, что помимо этих наиболее распространенных понятий употребляются и такие, как «новые культы», «неомистицизм», «молодежные религии», «религии Нового века», а также не совсем толерантные дефиниции, используемые чаще всего богословами – «деструктивные культы», «тоталитарные секты» и т.п. Иногда новые религии называют «вневероисповедными», «эзотерическими». Все эти понятия достаточно условны, не в полной мере отражают специфику рассматриваемого явления и далеки от философской категоризации.

Например, все «новые религии» можно характеризовать как «нетрадиционные»? Так или иначе, почти все они связаны с предшествующей («традиционной») религиозной, магической, мифологической или оккультной практикой. Например, современные ориенталистские (восточные) культы многое берут из иудаизма и буддизма, пополняясь парапсихологическими идеями и масскультовскими образами, фантазиями и практиками. Пророки «неомистицизма» (чаще всего именно это понятие употребляют для характеристики современной мистики) принимают на вооружение мистический, магический и религиозно-философский опыт прошлого (мистику древнего Египта, Индии, гностико-манихейства, средневекового ведовства и каббалы).

Также относительна и «новизна» современных религий. Она связана в первую очередь с характером социальных функций, которые выполняют эти религиозные учения в современном мире, зачастую перекодируя и переинтерпретируя старые религиозно-мифологические символы и образы. Это сказывается и на их содержательной стороне, обрядности и культовой практике, на отношении к традиционным религиям и соответствующим социокультурным институтам.

Нам представляется возможным вместо всего спектра метафорических терминов употреблять понятия «*субкультурные религии*» и «*контркультурные религии*», связанные с уже получившими теоретическую «прописку» в социологии, культурологии и философии категориями «субкультура» и «контркультура». Характерно, что новая религиозность формируется, прежде всего, в молодежной среде и на почве молодежной мифологии, субкультуры и контркультуры, способствует их актуализации в среде молодежи, что и заставляет многих исследователей говорить о «молодежных религиях» применительно к ней.

Эти понятия, на наш взгляд, во-первых, не несут мировоззренческой и идеологической нагрузки; во-вторых, отражают периферийное, маргинальное и порой антисистемное положение новых религиозных образований в современном обществе и культуре; и, в-третьих, отражают культурно-историческую и синхронную динамику молодежной культуры и контркультуры, начиная с конца XIX века. При этом антисистемность и контркультурность «субкультурных религий» не должна рассматриваться всецело в негативном измерении, так как она сама по себе может служить как деструктивным, так и инновационным механизмом, дающим импульс для развития базовой культуры, самосознания молодежи, для их трансформации в новые, креативные формы.

При этом нельзя и абсолютизировать творческий потенциал субкультурных религий, так как современные религиозные новации могут быть сведены к следующим. В *вероучении*: настойчивое повторение мысли о том, что субкультурные вероучения не являются религиями, а особого рода «учением» или «знанием», опирающимся не только на эзотерику древних доктрин, но и на современную «науку» (чаще всего на паранауку); создание новой канонической литературы или своеобразное прочтение старой с использованием «современных научных достижений» интерпретации текстов; соединение в вероучении черт нескольких религиозных систем и включение элементов современной мифологии, прежде всего масскультовской (религиозный синкретизм, эклектика и маргинальность); особое внимание к мистицизму, оккультизму, магии (часто в упаковке современного искусства, массовой культуры и паранауки) и т.п.; критическое отношение к институтам традиционных религий и в целом – к доминирующей культуре, т.е. определенная контркультурность.

В *ритуально-культурной практике*: необычность и экзотичность обрядовой стороны субкультурных религий (использование при этом современных психоделических, медицинских, наркотических и информационно-технологических практик) с целью максимального воздействия на эмоции и воображение человека; в большинстве случаев создание «новой коллективности», «общинный» характер ритуальной жизни, способствующий воспроизводству квазидуализма «мы – они», на деле подобного первобытному и связанного с генерированием мифосознания.

В *институциональной организации*: отсутствие строгой иерархической структуры на первых порах существования субкультурной религии, преобладание горизонтальных и сетевых связей внутриобщинной и межобщинной коммуникации, что и определяет их отличие от традиционной церковной организации; активность новых религиозных организаций в производственно-финансовой сфере, использование рекламы и сетевого маркетинга в продвижении религиозных «товаров» и услуг; общинная организация жизни верующих со свободным «входом» в горизонтальные коллективные структуры и с достаточно хаотичным существованием внутри них сочетается со строгой моральной регламентацией жизни; «братская» система отношений дополняется явно выраженным авторитарным культом харизматического лидера, основателя «церкви» или общины.

Вот это сочетание иерархичности с сетевыми, горизонтальными связями, авторитарности и демократичности, закрытости и открытости на уровне институализации, культовой практики и сознания делает субкультурные религии весьма подвижными, динамичными и одновременно «живучими» контркультурными системами, включенными в наш хаотичный мир постмодерна, постиндустриализма и постхристианства.

Анализируя далее причины распространения новых субкультурных вероучений среди молодежи, надо отметить, что массовое распространение субкультурной религиозности относится к 60-70-м годам нашего века и совпадает не только во времени и пространстве с рождением новой молодежной субкультуры и контркультуры, но и органично с ними связано по духовному содержанию, культурной форме и социальным функциям. В это же время мы наблюдаем, как субкультурная религиозность и молодежная контркультура оказываются втянутыми в водоворот массовой культуры западного мира, которая их использует, потребляя мифологический образно-символический материал в производстве своих культурных «образцов», а затем возвращает обратно в молодежную среду, подогревая не только новые «искания» молодых, но и расширяя рынок сбыта для своей коммерциализированной продукции.

Прежде всего, бум субкультурных «молодежных» религий породил массу литературных произведений, в которых религиозные проблемы служили основой сюжета. Как правило, такие книги становились и становятся бестселлерами. Популярны, например, произведения о магах и колдунах, среди которых выделяются книги Карлоса Костанеды. Автор их – студент-антрополог – несколько лет провел в учении у индейского колдуна дона Хуана, намереваясь постичь его магическую практику. Интерес к мистике дал новый

толчок литературе о ведьмах, оборотнях, вампирах. Литература эта примечательна стремлением ее авторов играть на суевериях читателей, чувстве страха и жажде «жутких» приключений. В целом это типичные образцы бульварной литературы, которая начала появляться еще в начале прошлого столетия. Можно было бы привести примеры и из опыта книжного рынка современной России.

Спекулятивной темой в массовой культуре является и проблема пришельцев из космоса, НЛО, внеземных цивилизаций в ее художественном осмыслении. Это своего рода фантастика сегодняшнего дня. Однако от традиционной фантастической литературы ее отличает стремление авторов придать видимость достоверности космической мифологии, свести ее положение до уровня объектов веры и, наконец, использовать в прагматических целях. Новые религии активно используют не только литературу. Они давно проникли в кинематограф. Здесь активно эксплуатируются несколько тем. В первую очередь тема сатанизма. Интерес к ней в молодежной среде тесно связан с распространением усилиями массовой культуры дьяволомании как на Западе, так теперь и в России. Истоки данного явления мы находим в начале 60-х годов. Именно тогда в США оформилась секта, названная «Церковью сатаны». Ее прихожане противопоставляют Богу антихриста, сатану.

Но особенно с распространением субкультурных религиозных представлений связана современная западная рок- и поп-музыка. Увлечения мистическими идеями не избежали, на разных этапах своего творчества, многие, в том числе и талантливейшие рок-музыканты, включая и «Битлз». Джордж Харрисон, бывший ударник «Битлз», подарил в свое время, например, организации кришнаитов поместье близ Лондона, внес 100 тыс. долларов на сооружение ими дворца в США.

«Сатанинские», мистические мотивы присутствуют в творчестве многих рок-групп, играющих в стилях хэви-метал, хард-рок. Это выражается и в текстах песен, и в оформлении конвертов пластинок, в костюмах и внешнем виде музыкантов, названиях. Так, аббревиатуру – название группы «Кисс» расшифровывают как «Короли на службе сатаны», группы Эй-Си/Ди Си как «Антихрист/Смерть Христу», и т.п. Сочетание «сатанинских» текстов со специфической музыкой групп, играющих в наиболее агрессивных оттенках стиля «хэви-метал» может оказать непредсказуемое воздействие на психику и самосознание не имеющих иных интересов молодых людей с узким кругозором и слабым духовным и культурным потенциалом.

В ряду причин активизации субкультурной религиозности следует указать и на факт спекуляции новых «пророков» на особенностях молодежной психологии, специфике социального положения молодежи. Как известно, ей присуще стремление к поиску, к выработке собственных символов и ценностей, отвечающих сущности человека, попытки «вписаться» в этот порой «блистательный», но неудобный мир взрослых, что на языке взрослых ученых дядей называется «социализацией».

Духовные искания молодежи усиливаются в условиях разрыва слова и дела, противоречия между официальным говорением о «справедливости» и «гуманизме» и постоянным нарушением этих принципов в повседневности. В таких условиях молодые люди и обращаются к идеям, предлагающим «особый», «новый» путь к истине. Сказывается и недостаток социального, нравственного и духовного опыта молодежи. Существенную роль играет и форма субкультурных религий, спекулирующих на стремлении молодых людей к тайне. Умело эксплуатируется и сфера паранаучного знания или непознанного наукой.

Кризис техногенной цивилизации, культуры индустриализма, новый «постиндустриализм» и связанная с ними девальвация образа жизни создают благоприятную обстановку для распространения новых культов. Субкультурные религии предлагают современному молодому человеку многое из того, чего он лишен в повседневной жизни в силу распада социальных институтов и духовных ценностей индустриального общества и культуры модерна. Вместо дискредитировавшей себя

рациональной идеологии прогресса и «просвещения» – достаточно привлекательную по форме веру в «вечные» идеалы. Вместо развалившейся семьи – «братскую общину», в которой все члены объединены общими интересами, единым образом жизни, а вместо набивших оскомину ценностей моногамии предлагается «свобода» половых отношений (полигамия, гомосексуализм и т.п.). Вместо безработицы или монотонного труда в компаниях, погони за виртуальным брендовым потреблением – «бескорыстный» труд на предприятиях организации и «социальная справедливость» в распределении и потреблении продуктов труда. Выдвигается и «духовная альтернатива» реальной угрозе гибели вследствие обострения глобальных техногенных и экологических катастроф, приобретающих все более апокалиптический характер. Субкультурные религии обещают часто не только духовное, но и телесное спасение в условиях грядущего Апокалипсиса.

Вместе с тем распространение субкультурной религиозности отнюдь не стихийный процесс. В нем заинтересованы политические представители правящих элит стран «золотого миллиарда» (и близких к ним стран, подобно России). Расцвет субкультурной религиозности способствует выключению из политической борьбы наиболее активной, ищущей часть молодежи. Здесь действует принцип: лучше религиозная медитация, чем антиглобализм или политический радикализм и терроризм.

При этом стараются не замечать, что путь самосовершенствования, поиска истин в рамках субкультурных религий зачастую чреват кризисом самих основ и ценностей «христианского мира». Следует учесть, что создатели субкультурных, и особенно контркультурных, религий накопили уникальный опыт манипулирования людьми. Для этого ими используются коллективная медитация, психологический террор, наркотические средства. В совокупности они дают поразительный эффект. Размывается сознание и психика молодых верующих. Практика коллективных медитаций ведет к разрушению традиционных систем ценностей, ориентированных на осознание и творческое преобразование окружающего мира. В голове молодого человека один «вакуум» замещается другим.

И здесь выражен существенный парадокс современного развития. С одной стороны, члены субкультурных общин протестуют против существующего мира. С другой – протест используется правящей элитой, эксплуатируется ею как в политико-идеологических, так и экономических целях, делая зачастую новую религиозность простым полем для продвижения новых коммерческих брендов, сбыта товаров и услуг.

Все эти процессы, связанные с феноменом субкультурной и контркультурной религиозности, мы наблюдали и в нашей стране, начиная с середины 70-х годов прошлого столетия. До 90-х годов XX века наши ученые эти процессы объясняли «тлетворным влиянием Запада». Но в последние годы мы убедились, что и у нас все происходит аналогично «западному миру», частью которого мы стремимся стать, да еще обнаруживаются дополнительные негативные тенденции. Цивилизационный кризис, который испытала Россия в результате крушения СССР и радикально-либеральных реформ в большей мере, чем на Западе, привел к девальвации культурных и нравственных ценностей, к почти полному социальному отчуждению, аномии, аморализму, подрыву веры в социальную справедливость.

Определенные группы молодых людей, порой наиболее вдумчивых, переживающих и глубоко чувствующих, заполняли и заполняют в последние годы свой духовный вакуум не столько обращением к традиционной религиозности (хотя официально много говорится о «возрождении православной духовности»), сколько субкультурной мифологией и мистикой, усматривая в ней альтернативу миру новорусской «элиты» – миру парадности, чиновничества и погони за богатством и символами престижа. В такой ситуации субкультурные религиозные системы, опирающиеся как на огромный культурно-исторический опыт традиционной религиозности в сочетании с новыми маскультовскими и паранаучными, на достижения в плане решения нравственных проблем, наработанные в годы «роста» на Западе, и на определенные финансовые влияния оказались в выигрышном положении.

В условиях перманентного кризиса современной техногенной цивилизации постоянно воспроизводится очевидный конфликт поколений. Если в 60/70-е годы XX века он был вызван существенными различиями «отцов» и «детей» в культурно-образовательном уровне и образе жизни, что явилось следствием научно-технической революции середины столетия. Молодежь восприняла эти различия как сигнал к отрицанию всего прошлого культурно-исторического опыта и утверждению новых ценностей на основе рок-культуры, стандартов потребительства, сексуальной революции, левого бунтарства, а также на основе мистической мифологии субкультурных религий. Сейчас этот конфликт порождается превратностями затянутой социализации молодежи в мире постиндустриализма (высокий «образовательный ценз», трудности в обретении финансовой независимости и т.п.).

И, наконец, усилению субкультурной религиозности в свою очередь способствует то, что не только США и традиционный протестантизм пытаются в рамках собственного глобального цивилизационного проекта навязать миру унифицируемый и унифицирующий вариант христианства, что скорее способствует не торжеству христианских ценностей, а рождению новой, постхристианской глобальной мифологии. Подобное искушение глобализацией испытает и католичество (особенно на фоне объединяющейся Европы), и православие (перед лицом иноверных и инославных глобальных угроз), и, разумеется, ислам, который всегда претендовал на свой вариант культурной и политической глобализации, начиная со времен арабских халифатов. Субкультурные религии во многом и стали или собственным вариантом глобализационной религиозности («Свидетели Иеговы», «Церковь объединения» Сен Муна, «Церковь сайентологии» Л. Хаббарда и т.п.), или контркультурным, антиглобализационным проектом на рубеже веков.

Список литературы

1. Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени / Эссе. – М., 1997. – С. 171.

TRANSFORMED FORMS OF YOUTH'S SELF-CONSCIOUSNESS IN SUBCULTURAL FORMS OF RELIGIOUSITY

O.N. Rimskaya

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: Sass@bsu.edu.ru

The article deals with the modern youth culture in the aspect of development of human self-consciousness in subcultural religious forms.

Key words: modernity, youth culture and mythology, youth subcultural religiosity, self-consciousness.